



## Глава I

**Ф**рэнк Каупервуд во время своей длительной борьбы в Чикаго за возобновление концессии еще на пятьдесят лет — борьбы, которая, несмотря на все его усилия, кончилась для него полным крахом, — обнаружил на своем пути два труднопреодолимых препятствия.

Первым препятствием был возраст. Каупервуду было под шестьдесят, и, хотя он по-прежнему чувствовал себя полным сил, он понимал, что ему нелегко будет конкурировать с более молодыми и не менее ловкими финансистами и за короткое время существенно увеличить свой капитал, который безусловно достиг бы желанной цифры, если бы ему удалось получить эту концессию. А цифра эта равнялась пятидесяти миллионам долларов.

Второе препятствие, которое по трезвому суждению представлялось ему более серьезным, заключалось в том, что он до сего времени не завел никаких более или менее солидных связей, иными словами, не имел никакого престижа в обществе. Разумеется, тут играло роль и то, что он когда-то в молодости сидел в филладельфийской тюрьме, и его непостоянство, и неудачная женитьба на Эйлин, не сумевшей оказать ему

поддержки в обществе, и, наконец, просто его независимый характер, и какой-то поистине неумный индивидуализм — все это оттолкнуло от него немало полезных людей, которые, пожалуй, могли бы стать его друзьями.

Ибо Каупервуд был не такой человек, чтобы вступать в дружбу с людьми менее сильными, менее деловыми и изворотливыми, чем он сам. Это казалось ему бессмысленным самоунижением или по крайней мере пустой тратой времени. С другой стороны, он по опыту знал, что с людьми сильными, хитрыми и действительно имеющими вес отнюдь не всегда легко завязать дружеские отношения. В особенности здесь, в Чикаго, где ему пришлось бороться со многими из них за власть и за положение. Они предпочли объединиться против него не потому, что он держался иных правил или же действовал иными методами, — они и сами были не прочь действовать так же, — но скорее потому, что он, чужак, забрался в их огород, в сферу финансов, которую они считали своей вотчиной, и сумел приобрести значительно большее влияние и капитал, и притом в значительно более короткое время. Мало того, он совратил жен и дочерей тех самых людей, которые особенно яростно соперничали с ним, и, разумеется, они приложили все старания, чтобы изгнать его из чикагского общества, и действительно преуспели в этом.

В своих интимных отношениях с женщинами Каупервуд всегда считал, что каждый из партнеров должен обладать полной свободой, и

добивался этого, не считаясь ни с чем. Но вместе с тем он всю жизнь мечтал встретить такую женщину, которая сумела бы привязать его к себе — конечно, не в том смысле, чтобы заставить его хранить полную верность, об этом он даже и думать не хотел, — но чтобы это была настоящая сердечная привязанность, духовная близость и взаимопонимание. И вот уже восемь лет его не покидало чувство, что он действительно нашел такой идеал в Беренис Флеминг. Она, по-видимому, ничуть не была ослеплена ни им самим, ни его славой, и его искусство очаровывать женщин на нее не действовало. Может быть, это, а также эстетическое наслаждение, которое вместе с чувственным волнением пронизывало его всякий раз, как он ее видел, и привело его к мысли, что при ее молодости, красоте, такте и уверенности в себе она могла бы создать для него необходимый общественный фон, который повысил бы его престиж и престиж его капитала; но для этого, разумеется, ему надо добиться свободы, чтобы иметь возможность жениться на ней.

К сожалению, несмотря на всю свою непоколебимость в отношении Эйлин, он все еще был не в состоянии освободиться от нее. Она твердо решила не уступать его никому. А воевать с ней из-за развода, в то время как все силы его были поглощены жестокой борьбой за железнодорожные концессии в Чикаго, — это было бы уж слишком тяжелым бременем. Тем более что и со стороны Беренис он не видел ни малейшего поощрения. По-видимому, ее привлекали люди не

только моложе его, но и с прочным общественным положением, чего он при своей репутации был не в состоянии ей предложить. Так он впервые изведаль горечь неудачи в любви; он часами сидел один у себя в кабинете, погруженный в мрачные размышления. Он был совершенно убежден, что на этот раз потерпел полный крах и в борьбе за увеличение капитала, и в попытках завоевать любовь Беренис.

И вдруг однажды, когда он меньше всего ожидал этого, Беренис пришла и объявила, что она принадлежит ему, — он сразу точно помолодел, к нему вернулась былая энергия, жажда деятельности. Наконец-то он обрел то, о чем мечтал: любовь женщины, которая поистине будет ему опорой в его борьбе за могущество, славу и прочное положение в свете.

Но как бы откровенно и чистосердечно ни объясняла Беренис, почему она пришла к Каупервуду («Я подумала, что теперь, пожалуй, я вам действительно нужна... и вот решилась!»), в ней все же чувствовался какой-то надлом — она была уязвлена жизнью, обществом, и это толкало ее взять реванш, расквитаться за те жестокие обиды, которые ей пришлось испытать в ранней юности. И то, что она на самом деле думала и чего Каупервуд, восхищенный ее неожиданной близостью, не понимал, можно было сформулировать так: «Ты пария — и я тоже. Мир пытался сокрушить тебя. А меня он пытался выкинуть из той сферы, к которой я по природе своей и по всем чувствам своим должна принадлежать. Ты негодуешь — и я тоже. Так давай заключим союз:

союз красоты, смелости и ума, но союз равноправный, чтобы в нем не было господства ни с той, ни с другой стороны. Потому что, если мы не будем относиться друг к другу честно, нам не удастся сохранить этот наш неосвященный союз». Таков был, в сущности, ход ее рассуждений, которые столь неожиданно для Каупервуда привели ее к нему.

Но если Каупервуд и угадывал сильную, сложную натуру Беренис, он все же не мог угадать течение ее мыслей. И в этот зимний вечер, когда она внезапно вошла к нему (цветущая и румяная с мороза), он, глядя на нее, никогда бы не сказал, что она все тщательно продумала и взвесила. Да и как можно было заподозрить в этом такое юное, веселое, улыбающееся, очаровательное существо? И, однако, это было так. Она стояла перед ним, смело откинув голову, втайне чуточку волнуясь. В ее отношении к нему не было никакого коварства, скорее уж это была любовь, если только желание принадлежать ему и быть с ним до конца его дней, — но только на таких вот определенных условиях, — можно назвать любовью. С его помощью, рука об руку с ним, она достигнет желанной победы, и оба они чистосердечно и любовно будут поддерживать друг друга.

Итак, в этот самый вечер Каупервуд, глядя на нее, сказал:

— Но мне все-таки хотелось бы знать, Беви, как это вы вдруг пришли к такому неожиданному решению? Как могло случиться, что вы решились на такой шаг сейчас, когда я только что потерпел второе и действительно крупное поражение?

Она спокойно смотрела на него, и сияние ее синих глаз окутывало его словно бы теплым туманом, пронизанным солнечными лучами.

— Видите ли, я много думала о вас... и читала о вас в прессе — все эти годы. Вот только в прошлое воскресенье в Нью-Йорке я прочла о вас целых две страницы в «Сан». И они, кажется, помогли мне понять вас немного лучше.

— Газеты?.. Нет, правда?

— И да и нет. Не руганью, конечно, которой они осыпают вас, но фактами — если то, что они собрали и выдают за вашу биографию, это действительно факты. А вы правда никогда не любили вашу первую жену?

— Не знаю. Вначале мне казалось, что любил. Но, конечно, я был еще совсем мальчишкой, когда женился на ней.

— А теперешнюю вашу жену, миссис Каупервуд?

— Ах, Эйлин? Да! Когда-то я был очень привязан к ней... — неожиданно признался он. — Она для меня много сделала, очень много, а я не такой, чтобы забывать добро, Беви! И в то время я был влюблен в нее. Сильно влюблен. Но, конечно, я был еще очень молод и в духовном отношении не так требователен. Виновата в этом не Эйлин. Просто это была ошибка неопытного человека.

— Мне становится немного легче, когда я слышу это от вас, — сказала она. — Вы, оказывается, вовсе не такой уж безжалостный, каким вас изображают. Я, конечно, намного моложе Эйлин, но мне кажется, если бы я была уродом, вряд ли мои

духовные качества сколько-нибудь заинтересовали бы вас.

Каупервуд усмехнулся.

— Верно! — сказал он. — Не стану оправдываться в том, что я таков. Умно уж там или глупо, но я в жизни руководствуюсь только эгоистическими соображениями, потому что, как мне кажется, человеку, в сущности, больше и нечем руководствоваться. Может быть, я ошибаюсь, но мне сдается, что большинство из нас поступает именно так. Возможно, существуют какие-то другие интересы, которые стоят выше своих, личных, но когда человек действует на пользу себе, он тем самым, как правило, приносит пользу и другим.

— Я, кажется, согласна с этой точкой зрения, — отвечала Беренис.

— Мне хотелось бы, чтобы вы поняли хорошенько одно, Беви, — ласково улыбнувшись, продолжал Каупервуд, — это то, что я ничуть не пытаюсь ни преуменьшать, ни скрывать ни единой обиды, которую я кому-нибудь причинил. Жизнь идет, человек меняется, и огорчения при этом неизбежны. Мне просто хочется рассказать вам, как, на мой взгляд, обстоит дело, чтобы вы в самом деле поняли меня.

— Благодарю, — рассмеялась Беренис, — но вам вовсе незачем чувствовать себя так, точно вы даете свидетельские показания.

— А вот именно так я себя и чувствую сейчас. Но позвольте мне еще немножко рассказать вам об Эйлин. Это существо любящее, эмоциональное, однако в духовном отношении она никогда не была и



не может быть тем, что мне нужно. Я знаю ее хорошо и понимаю ее, и я всегда буду благодарен ей за все, что она делала для меня в Филадельфии. Она не покинула меня, несмотря на ущерб, который это наносило ее репутации. Вот поэтому-то и я не покидаю ее, хоть и не могу любить так, как любил когда-то. Она носит мое имя, живет в моем доме. Она считает себя вправе владеть и тем и другим.

Он выжидательно посмотрел на Беренис.

— Вы, конечно, понимаете это? — спросил он.

— Да, да! — воскликнула Беренис. — Конечно, понимаю. И пожалуйста, не думайте, я не собираюсь доставлять ей никаких огорчений. Я пришла к вам совсем не за этим.

— Вы очень великодушны, Беви, но вы несправедливы к себе! — сказал Каупервуд. — Я хочу, чтобы вы знали, как много вы значите для моего будущего. Вы, может быть, еще не понимаете этого, но я хочу сказать вам об этом вот сейчас, здесь. Не зря я мечтал о вас, я не упустил вас из виду в течение восьми лет. Это значит, что я люблю вас и люблю крепко.

— Я знаю... — мягко ответила она, глубоко тронутая этим признанием.

— Все эти восемь лет я видел перед собой идеал, — продолжал он. — Это были вы.

Он замолчал. Ему хотелось сжать ее в объятиях, но он интуитивно чувствовал, что не должен этого делать. Помолчав, он сунул руку в карман жилета и вытащил тоненький золотой медальон величиной с серебряный доллар, открыл его и протянул ей. На внутренней стороне был маленький портрет Беренис: двенадцатилетняя девочка,

тоненькая, хрупкая, высокомерная, сдержанная, серьезная — такой она осталась и теперь.

Беренис взглянула и сразу вспомнила — ведь это снимок еще того времени, когда они жили с матерью в Луисвилле и мать ее была женщиной с положением и со средствами. Как это не похоже на то, что случилось с ними теперь! И сколько пришлось ей вынести из-за этой перемены! Она смотрела на свою карточку, и светлые воспоминания проносились перед ней.

— Откуда у вас эта карточка? — спросила она наконец.

— Я увидел ее на письменном столе у вашей матушки в Луисвилле и взял себе. Только она, конечно, была не в этой оправе. Это уж я сам сделал потом. — Он бережно закрыл крышку медальона и спрятал его в карман. — С тех пор она всегда при мне.

Беренис улыбнулась.

— Надеюсь, вы ее никому не показываете! Ведь я там совсем еще дитя.

— И дитя это стало моим идеалом. А теперь — более чем когда-либо. Конечно, я знал немало женщин на своем веку, и мои отношения с ними складывались по-разному. Однако независимо от этого у меня всегда было более или менее определенное представление о том, что мне на самом деле нужно; я всегда мечтал вот о такой сильной, отзывчивой, возвышенной девушке, как вы. Думайте обо мне что угодно, но судите меня отныне по моим поступкам, а не по словам. Вы сказали: «Я пришла к вам, потому что, мне кажется, я вам нужна». И это правда, вы мне нужны.

Она положила руку ему на плечо.

— Я решила, — спокойно промолвила она. — Самое лучшее, что я могу сделать в жизни, — это помочь вам. Но ведь мы... я... никто из нас не имеет возможности поступать так, как нам хочется. Вы и сами это знаете.

— Еще бы! Но я хочу, чтобы вам было хорошо со мной, и хочу, чтобы и мне было хорошо с вами. И конечно, мне не может быть хорошо, если вы будете огорчаться. Здесь, в Чикаго, особенно теперь, мне нужно быть крайне осторожным. И вам тоже. Поэтому нам сейчас надо будет расстаться, и вы вернетесь к себе в отель. Но завтра около одиннадцати, я надеюсь, вы позвоните мне. И тогда, может быть, нам удастся обо всем поговорить. Но подождите минуту.

Он взял ее за руку и повел в свою спальню. Закрыв дверь, он подошел к красивому кованому сундуку, который стоял в углу комнаты. Он поднял крышку, вынул оттуда три небольших подноса с коллекцией древних греческих и финикийских колец и поставил перед Беренис.

— Ну выбирайте! Каким кольцом вы обручитесь со мной? — сказал он.

По обыкновению снисходительно и немножко небрежно, — ибо она была из тех, кого нужно упрашивать, а не из тех, кто умеет просить, — Беренис стала разглядывать и перебирать кольца, невольно восклицая, когда ей попадалось какое-нибудь, особенно поразившее ее.

— Цирцея, наверное, выбрала бы вот эту свернувшуюся серебряную змейку, — промолвила она. — А Елена — вот эту гирлянду цветов из зе-

ленной бронзы. Я думаю, что Афродите, наверно, понравилась бы эта согнутая рука и пальчики, крепко сжавшие камень. Но я хочу выбрать не просто самое красивое. Я возьму себе вот эту потускневшую серебряную ленту. В ней чувствуется и сила, и красота.

— Всегда что-нибудь придумает, чего не ожидаешь! — воскликнул Каупервуд. — Ах, Беви! Вы бесподобны.

Он нежно поцеловал ее и надел кольцо ей на палец.

## Глава II

Явившись к Каупервуду в момент его поражения, Беренис помогла ему обрести веру в неожиданное и, более того, — веру в свою счастливую звезду. Конечно, Каупервуд угадывал в ней существо эгоистическое, уравновешенное, скептическое, но менее прямолинейное и много более возвышенное, чем он. Если он жаждал денег ради главного, что они могут дать, — то есть ради власти, дабы пользоваться ею, как ему вздумается, — Беренис жаждала получить с их помощью возможность проявить свою одаренную натуру и удовлетворить тем самым свою эстетическую потребность в красоте. Ей хотелось достичь этого не столько путем самовыражения в той или иной форме искусства, сколько создать такую жизнь, чтобы и она сама, и вся жизнь ее стали как бы воплощением искусства. Она часто думала, что, будь у нее много, очень много денег и большие возможности, — чего бы она только не сделала,